

Ниссина
Павл
на
Покров
(на с
приглашение)

На фоне Чехова — и птичка вылетает,

или Опасные связи театра Сергея Арцибашева

Марина Зайонц

того театра пока нет в свободной репертуарной афише Москвы. Он зовется Театром на Покровке и непостоянным малю известен. А между тем он — один из очень малого числа государственных театров России, где-то являясь с МХАТОм, Большим, БДТ, Малым. В ожидании своего помещения, которое готовится для него (в гармоничном соответствии с названием) на Покровке, он ютится в уродливо-челюном, грязном дворе на Ольховской улице, жизнь ведет несуютистую и деловитую, выпускает спектакли за спектаклем. С какими, по мере поступления, знакомит узкие круги театральной общности, постепенно собирая обычную прессу, слухи, кажется, хвалебную. Чехов, Цветаева, Тургенев, Гоголь — его авторы, а Сергей Арцибашев — художественный руководитель (и режиссер всех главных спектаклей). Впрочем, афиши, которыми оклеен двор, повествуют, что современной пьесы тут не избегают: названия — новые, авторы — неизвестные. Этих спектаклей, если они действительно уже есть, похоже, никто пока не видел: о них не говорят, на них не приглашают. Однако классикой тут не бравурят, на большой стиль не претендуют, решают профессиональные задачи, предпочитая камерные, почти интимные формы общения.

Мы познакомились года два назад (на «Трех сестрах», когда праздновали (по ноной перестроенной моде) именины Ирины Прозоровой. Гости собрались много, сидели все правброс, и поначалу трудно было разбираться, где же хозяева. Скоро выяснилось, что так и надо, так-то, как говорится, замысел. В современных костюмах, интриженные от незнакомости и испуга, бродили среди публики «новые сестры» Оля, Маша, Ира и брат их Андрюша, гонимые какой-то чужой им, чересчур высеренный для скромного советского человека текст, не зная, куда деть руки и как оправадать свое среди нас присутствие. А потом всех позвали к столу — началась главная сцена спектакля, о которой и распространялось потом по Москве столько слухов. За большим общим столом Вась Соленый, чтобы развратить вопиющую скванность, подпалает тебе в стакан шампанского, кто-то предлагает бутерброды и домашний пирог, ты пьешь вместе со всеми за здоровье имитируешь и ждешь, что Федотик или Тузенбах пригласят потанцевать.

Когда-то чувствительные зрители старого спектакля Станиславского, отожужденные от актеров строгой рампы, пообжрались себя в гостях у сестер Прозоровых — настолько реальной и уютной ощущались ими жизнь на сцене. Мы, сумевшие и в театре сказку сделать реально, оказались в гостях у Прозоровых буквально, а радости и уюта не ощутили. Актеры и зрители инстинктивно избежали смотреть друг другу в глаза. Потанцевав с Тузенбахом и эжисис с Соленым, как потом поверить в реальность их смертельной дуэли? Великая иллюзия была разрушена во имя мелкой, практической цели. То, что должно было стать (прошу прощения) атмосферой, стало лояным трюком, лебодитой пидмудой, решившей, однако, спектакль. О нем так и говорят до сих пор: те «Три сестры», где кормят. Арцибашев, видимо, хотел показать «жизнь человеческого духа в формах самой жизни», по формам современной жизни задавали все. То ли духа было мало, то ли жизненная сила оказалась слишком велика. И только в последнем чеховском акте переодетые наконец актеры отделились от зрителя и слегка намекнули на иную, отнюдь не цирковую,

задачу, заданную им режиссером. Замысел внезапно обнажился до простой схемы: сначала приблизить к себе чеховских героев, взглянуть в них как можно пристальнее, а потом ужасительно поразиться их глубине и тонкости. Немного общия, немного школьная, но в целом благородная, культурно-просветительская задача. Если начинаешь сплю творческую жизнь с чистой от чужих черепинок странички, задача неизбежнейшая. Остается, правда, вопрос: стоило ли решать ее столь публично?

В «Пленном духе» по Цветаевой задача была все та же — как следует затвердить известное: в человеке все должно быть прекрасно, Марина Цветаева — великий русский поэт, правду говорить легко и приятно, Волга впадает в Каспийское море. На мапер старой «Тягачки» сделавшая композиция, белло обозначившая персонажей цветастой жизни (гототый литературный набор — Волошин, Мандельштам, Белый, Сонечка Голлицкая, Пастернак), в исполнении актеров с Покровки не столь явно, как в «Сестрах», но столь же настойчиво приближала к

исканиям основоположника. Топкие, благородной отделки «кружева» здесь тапили на себя с недоворсистой силой, ткали, само собой, ралась, обтегая уловатые фигуры, защити дыры не успели, а может, не захотели. Тлк и вышли на публику — с прорезками, огоржающими разнообразие лица толпы: обступавшей, теснящей в метр, магазинх на улице.

Интонационная фактура спектакля — звуки улицы: обильная, ксеноязычная, визгливая уличная речь. Будто играют не Тургенев, а, допустим, Галина. Чем-то напоминает «Сорри»: тоже о любви и трудной доле русской женщины, в особые тяжелые минуты принимающей к бутылке. Это не злая мсафора, это итупленная реальность: казниченная любовными передерганиями Перочка, до дрожи похожая на детдомовку с дурными манерами, найдет спиритическую бутылку, плещет в стакан и лихо выпьет. И финал сочинен не раздраженным рецензентом, а уж впервые самим режиссером. В телугу, весь спектакль манящую перед глазами, с важными лицами садятся все особи мужского пола, а в

тяжелые оглобли вправляют «тургеневские» женщины, где-то по дороге коия на скаку основывшие. Поклонники спектакля скажут: шутка, как не поинять. О нет, это не шутка, слишком серьезны были приятия, чтобы завершить все изысками (на чей-то вкус) пусляком. Этот финал, как холодный осколок разбитого теркала, уродливо отразил мсифиофельский по силе соблазу उपयोगить себе и Вершинину, и Цветаеву, и Наталью Петровну, высокое и недопустимое сделать своим, опустив до собственного неипидного роста. А тогда — все много, если Бога нет, все дозволено, и румяный злоропик-футболист Беляев, которому только что объяснилась и лобны жсипиша, немедленно, не раздумывая, лезет ей под юбку. Это его непосредственная, естественная реакция, это он, он «в предлаемых обстоятельствах». Хороший, послушный ученик с «пятеркой» по мастерству.

А «Ревизор» Арцибашеву улья. Отождествиться с Хлестаковым, ясное дело, не так лестно, и театр впервые уклонился от привычной близости с автором, отод-

винулся на безопасное расстояние и много интересного для себя в Гоголе разглядел. За один только это длинный пусть простятся ему и недостатки вкуса, и монотонность ритма, и безстрашная наивность списывающих. Вышел простодушный, меланхолический, нелепый подселов к том, как былавел грустна многа наша Россия, где окладился уместны и экзектика, и итбточность красок, где шутки не шутжны, а лести и иногда остроумны, где, может быть, шерные приятия соуствие не к себе, а к чужому и даже чуждому человеку.

И лишь один тапшупиш из спектакля в спектакль принос продолжает (что за прищичность, право?) зацражать. Это трогательно-ураемое желание накормить и напоить зрителя. Давняя советская привычка нашего театра кого-то обслуживать и перед кем-то закиивать друг другу поставила в маленьком, скромном коллективе и тепер настоящий утверждал себя как новое слово. Впрочем, долот эти психологические сложности, нужны, конечно, новые формы (говаривал, помню, Тренев), но, если их нет, возьмем старые и приторисим Колумбама. В конце концов театр — вещь всеобщие тотальное приторисство.

Р. С. В статье, увы, не названы поименно актеры. Авторы может извинить только то, что лестные для себя отзывы они уже читали и обязательно еще прочтут, а нелестным все равно не поверят.

МИХАИЛ ГИТЕНГА

«РЕВИЗОР». СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ

винулся на безопасное расстояние и много интересного для себя в Гоголе разглядел. За один только это длинный пусть простятся ему и недостатки вкуса, и монотонность ритма, и безстрашная наивность списывающих. Вышел простодушный, меланхолический, нелепый подселов к том, как былавел грустна многа наша Россия, где окладился уместны и экзектика, и итбточность красок, где шутки не шутжны, а лести и иногда остроумны, где, может быть, шерные приятия соуствие не к себе, а к чужому и даже чуждому человеку.

И лишь один тапшупиш из спектакля в спектакль принос продолжает (что за прищичность, право?) зацражать. Это трогательно-ураемое желание накормить и напоить зрителя. Давняя советская привычка нашего театра кого-то обслуживать и перед кем-то закиивать друг другу поставила в маленьком, скромном коллективе и тепер настоящий утверждал себя как новое слово. Впрочем, долот эти психологические сложности, нужны, конечно, новые формы (говаривал, помню, Тренев), но, если их нет, возьмем старые и приторисим Колумбама. В конце концов театр — вещь всеобщие тотальное приторисство.

Р. С. В статье, увы, не названы поименно актеры. Авторы может извинить только то, что лестные для себя отзывы они уже читали и обязательно еще прочтут, а нелестным все равно не поверят.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН